

**ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ.
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ**

УДК 821.161.1 + 821.14:06

Р. БУХАРАЕВ И К. КАВАФИС: ОПЫТ СОПОСТАВЛЕНИЯ

© Ринат Бекметов, Мария Перебаева

R. BUKHARAEV AND C. CAVAFY: THE EXPERIENCE OF COMPARISON

Rinat Bekmetov, Maria Perebaeva

This paper discusses the aspects of typological similarity between the artistic worlds of Ravil Bukharaev and Constantine Cavafy. The novelty of this minor piece of research is in the very fact of comparing and contrasting these authors with each other as they have so far remained within non-overlapping loci of the cultural space. A comparative analysis is based on the kinship of two self-sufficient systems at various levels of contextual description; biographical, ethnic, linguistic, evaluative, and artistic. Despite nominally diverse conditions, the poets approach their tasks in the same way. This sameness was of a principally homological character, it correlated with the variability of implementation. The task of this paper is to compare creative voices of the two lyrists under the situation of 'uneven' scientific interest with respect to both of them. While C. Cavafy has already been the subject matter of an integral monographic study (not only in Greek but also in Russian literary criticism), R. Bukharaev has not. Hence, a set of more or less clear notions has emerged with regard to the particulars of C. Cavafy's poetics, however, this is not the case with R. Bukharaev. Besides, the existing range of views, quite unanimously, identifies a typological affinity between this contemporary Greek writer and Russian culture of "the Silver Age" (the same historical epoch at its turning point, pronounced crisis-driven worldviews, and a distant semblance of aesthetic style). At the same time, the experience of simultaneous interpretation of C. Cavafy seems insufficient nowadays, so does the establishment of diachronic links through a conscious assimilation of C. Cavafy's tradition in modern Russian poetry (reminiscences, direct imitations, and form accents). It is necessary to search new relations within the boundaries of the "big time" (M. M. Bakhtin). The essential classical methodology techniques of comparison and contrast, that have proved practically useful, should contribute to this search.

Keywords: Ravil Bukharaev, Constantine Cavafy, picture of the world, creativity, text, comparison, collation.

В статье рассматриваются вопросы типологической схожести и различия художественных миров Равиля Бухараева и Константиноса Кавафиса. Новизна микроисследования заключается в факте сравнения и сопоставления этих авторов, до сих пор, казалось бы, находившихся в непересекаемых локусах культурного пространства. Основанием компаративного анализа служит переключка двух самодостаточных систем на разных уровнях контекстного описания: биографическом, этническом, языковом, ценностном, художественном. Находясь в формально непохожих условиях, поэты одинаково решали стоящие перед ними задачи; эта одинаковость имела принципиальный «гомологический» характер, коррелируя с вариативностью воплощения. Задача микроисследования состоит в том, чтобы соотнести творческие голоса двух лириков в ситуации «неравномерного» научного внимания к ним. Если К. Кавафис уже был объектом целостного монографического изучения (не только в греческом, но и в российском литературоведении), то Р. Бухараев – нет. Отсюда: если применительно к К. Кавафису сформировался набор более или менее четких представлений об особенностях его поэтики, то относительно Р. Бухараева так сказать нельзя. Кроме того, существующая палитра взглядов достаточно единодушно фиксирует типологическое родство новогреческого писателя с русской культурой «серебряного века» (одна историческая эпоха, взятая в переломный момент; ярко выраженное кризисное мироощущение; отдаленное подобие эстетического стиля). Вместе с тем опыт синхронного осмысления К. Кавафиса кажется сегодня недостаточным так же, как и установление диахронных связей через сознательное усвоение традиций К. Кавафиса в современной русской поэзии (реминисценции, прямые подражания, акценты формы). Необходим поиск новых отношений в границах «большого времени» (М. М. Бахтин); этому поиску должны способствовать важнейшие, доказавшие свою практическую пользу приемы классической методологии – сравнение и сопоставление.

Ключевые слова: Равиль Бухараев, Константинос Кавафис, картина мира, творчество, текст, сравнение, сопоставление.

На первый взгляд, сопоставление художественных систем Равиля Бухараева (1951–2012) и Константиноса Кавафиса (1863–1933) кажется не совсем оправданным. Они не были современниками, говорили на разных языках, являлись носителями собственных творческих почерков. В этом отношении, казалось бы, более уместной выглядит попытка соотнести наследие К. Кавафиса – основоположника греческого литературного авангарда XX столетия – с русскими писателями-символистами «серебряного века» (А. Блоком, В. Брюсовым, Вяч. Ивановым, М. Кузминым); типологические связи между ними прозрачны, и основанные на таких переключках немногочисленные компаративные опыты уже существуют (см., например: [Ильинская, 1994]; констатация схожестей косвенно отражена в: [Ильинская, 1984, с. 4–7]). Кроме того, такая тема, как «К. Кавафис и И. Бродский», отнюдь не режет слух, заслуживая изучения. Отметим и то, что К. Кавафис, если вести речь о современном литературном процессе, – предмет сознательной рецепции так называемой «ферганской» школы русской поэзии. Эта школа зародилась в конце 1980-х годов в Узбекистане, явившись там (прежде всего через язык) проводником русской культуры. Территориально она располагалась в Фергане и вместе с «ташкентской» школой образовывала единое направление новой словесности, противопоставленное официальному советскому канону. Среди основных положений манифеста «ферганцев» – «ориентация на средиземноморскую лирику», «южный знойный мир <...> и герметическая „западная“ поэтика» [Ферганский альманах], а также активное, едва ли не повсеместное внедрение верлибра. Иными словами, «ферганская» школа провозгласила приоритет подхода, совмещающего в русском образном слове лучшие традиции западной и восточной эстетики; она предпочитала рассматривать себя как перекресток мировых культур, и К. Кавафис, лирик средиземноморского ареала, ею почитался, наряду с другими новогреческими поэтами, в качестве творца обновляемого стиля. Вернее было бы говорить не о связанности двух стратегий письма, а о чрезвычайно устойчивом влиянии К. Кавафиса на поэтику «ферганцев». Она формировалась под воздействием его богатой дискурсивной практики (переводы К. Кавафиса публиковались в 1970-е годы), и, если бы не новогреческий модернизм, «ферганская» литература, вероятно, была бы другой (пусть в нюансах, а не в главном тренде).

Дело осложняется еще и тем, что, в отличие от К. Кавафиса, Р. Бухараев до сих пор не стал объектом монографического внимания, чтобы можно было с четкостью осознать логику его художественного мышления и сравнить ее с логикой другого поэтического сознания. Отдельные труды, конечно, имеются, однако они, «импрессионистические» по задачам и методу, слишком отрывочны и зачастую лишены той концептуальной схемы, которая, как цемент, прочно скрепляет разрозненный материал в одно продуманное целое. (Р. Бухараева, по сути, мы начинаем постигать только сейчас, и много усилий требуется приложить, чтобы по-настоящему раскрылся для читательской аудитории смысл его глубокого дарования; как Ф. М. Достоевский оказался неожиданно представленным в работах М. М. Бахтина о диалоге, так Р. Бухараев нуждается сегодня, по нашему мнению, в своем «М. М. Бахтине», в том вдумчивом исследователе, который откроет заветную дверь в «лабораторию» поэта, опишет его «космос», даст точку опоры для всестороннего понимания¹).

¹ Так, не составлена элементарная аннотированная библиография литературных сочинений Р. Бухараева. Те библиографии, которыми мы располагаем, к разряду полных не относятся; они были созданы «по случаю» (юбилея, творческой встречи, как обычное информативное приложение к собранию избранных произведений) и не обладают теми качествами, которые делали бы их «правильными» с точки зрения принятой литературоведческой систематики. (Каталогизация художественных текстов автора, аккуратный сбор всех сторонних суждений о нем как литературно-критического, так и научно-филологического характера – одна из первейших обязанностей той отрасли гуманитарной дисциплины, которая занимается изучением жизни и творчества человека, кем бы он ни был по роду деятельности, как явления с заглавной буквой). Позволим себе одно короткое, в некотором смысле публицистическое отступление. Возможно, оно покажется здесь, в конкретной статье на частную компаративную тему, ненужным. Но все же наш долг, пользуясь правом сноски, сказать о том, что Р. Бухараев, по общему субъективному ощущению, как будто бы выпал из круга современного интереса на родине, в Республике Татарстан, не столько общественно, сколько государственного, и это притом, что именно Р. Бухараеву принадлежит политико-философский трактат о преимуществах «модели Татарстана» в России [Бухараев, 2001] и весьма обстоятельный по набору фактов, с подлинной любовью написанный «Сказ о Казани» [Бухараев, 2005] (и на русском языке, и в английском переводе). Нет, к примеру, в Казани

Вместе с тем некоторые параллели жизни и мировоззрения Р. Бухараева и К. Кавафиса видятся нам достаточно очевидными, чтобы сравнивать и сопоставлять этих авторов между собой. (Напомним, что сравнение и сопоставление в классической компаративной методологии – две стороны одной медали. Если сравнение ставит акцент на общем в изучаемых национальных литературах, то сопоставление – на отличиях, на поиске самобытных, оригинальных черт). Кратко обозначим найденные параллели в следующих пунктах.

1. Биографический момент

1.1. Жизнь К. Кавафиса протекала вне Греции; он родился, жил и умер в египетской Александрии – крупном центре эллинистического мира, одном из очагов раннего христианства. Около семи лет (детские годы) К. Кавафис провел в Англии; ей он обязан блестящему знанию английского языка и возникновению серьезного интереса к британской культуре.

1.2. Р. Бухараев родился в Казани, но большую часть жизни провел за ее пределами: Москва, Ленинград (Санкт-Петербург), Венгрия, Англия. В Англию он уехал в 1990-е годы, полюбил эту «туманную» страну, неплохо говорил на английском (писал в такой степени, что мог свобод-

музея Р. Бухараева. Не странно ли это? Нам волею судьбы однажды довелось побывать в казанской гимназии № 139. И как же мы были по-хорошему удивлены тому, что в одном из ее кабинетов уютно расположился небольшой музей (точнее, музейный уголок), посвященный В. П. Аксену. Он появился в 2009 году благодаря стараниям учителей и школьников-энтузиастов; экскурсию в нем ведут сами учащиеся (и ведут живо, увлеченно, искренне); среди экспонатов есть вещи поистине бесценные. Мы не могли не порадоваться примечательному факту, инициативно возникшему «снизу» и поддержанному морально и материально «сверху». Однако правомерно поставить вопрос: отчего в иной школе нет «бухараевского» уголка? В масштабах города подобный проект, судя по всему, не рассматривается, хотя литературный музей В. П. Аксенова, расположенный в центре Казани, успешно функционирует, собирая гостей. В. П. Аксенов, как известно, родился в Казани и провел в ней часть жизни; Р. Бухараев же не только родился в Казани, но и много о ней писал, распространяя весть о городе по всему миру, причем, воссоздавая образ столицы, он всячески подчеркивал ее исконный татарский облик, ныне стремительно, впрочем, утрачиваемый; а его переводы с татарского (на русский и английский языки) – классика. Симптоматично, что, когда мы как бы невзначай спросили о Р. Бухараеве (современнике В. П. Аксенова, между прочим), экскурсоводы – ученики старших классов – признались, что о таком писателе они, к стыду своему, ничего не знают...

но переводить с русского и татарского) и, скончавшись скоропостижно на чужбине, был похоронен в Казани, рядом с могилами близких родственников.

2. Культурно-этнический момент

2.1. По отцу К. Кавафис принадлежал к среде греческой коммерческой аристократии, по матери – к привилегированному сословию константинопольских греков. Семья поэта – торговая; его предки в Александрии – участники экономического возрождения Египта, начавшегося при турецком султани Мухаммеде Али. Греческая колония на севере Африки была самой активной; знаки ее успеха – построенные больницы, школы с бесплатным обучением на довольно высоком уровне, православные церкви, газетно-журнальная периодика на новогреческом языке; как следствие – рост этнического самосознания в семье и общине. Несмотря на то, что пространственный аспект личной судьбы К. Кавафиса не был географически разнообразен, он тем не менее сублимировался в творчестве. Образ неугаваемой страсти к путешествиям – излюбленный у поэта, превращающийся в символ человеческого существования. Этому яркому образу отвечает греческая национально-культурная привязанность к вечному, никогда не прекращающемуся познанию, в том числе через архетип морской дороги.

2.2. Родители Р. Бухараева – представители университетской интеллигенции, люди образованные, эрудированные (эта широта передалась Р. Бухараеву по наследству, предопределив его переход от математических занятий к литературе). Сильнее и глубже «этничность» Р. Бухараева выразилась в стремлении к неутомимому движению, многовекторной путевой динамике (пространственной – как перемещение по континентам, от Британии до Австралии; временной – через охват различных эпох истории), что в определенной мере, без крайних оценок, служит проявлением общетатарского генетического кода. Как и греки в средиземноморской ойкумене, татары разбросаны небольшими компактными группами в границах бывшей общетюркской империи, на необъятных просторах Евразии. При этом они – носители и архетипа «всадника» (безудержная удаль), и архетипа «земледелец» (упорный созидательный труд). В их «колониях», судя по фактам XVIII – начала XX века, была организована своя система школьного религиозного воспитания, издательское дело, ремесла; цвела торговля, благодаря чему татары выступали посредниками в международной кооперации производства и трудовых ресурсов (не случайно

в XVIII столетии им выпала роль быть толмачами в общении российских императоров со странами Востока; ср., к примеру, роль Сеитовой слободы под Оренбургом в деле распространения торговых отношений России и Азии; татарские купеческие анклав в степях центрального и восточного Казахстана; караванные дороги в Персию и Индию). Ср. любопытное совпадение, вызванное, правда, реальными обстоятельствами, в известном стихотворении И. А. Бродского «Остановка в пустыне» (1966): *«Теперь так мало греков в Ленинграде, / что мы сломали Греческую церковь <...>. / Прекрасно помню, как ее ломали. / Была весна, и я как раз тогда / ходил в одно татарское семейство, / неподалеку жившее. Смотрел в окно и видел Греческую церковь. / Все началось с татарских разговоров <...>»* [Бродский, с. 68].

3. Лингвистический момент

3.1. К. Кавафис был широко образован. Помимо английского (на котором всегда вел личные заметки и фиксировал комментарии к прочитанным книгам), он в совершенстве владел итальянским и французским языками. Из последнего он нередко черпал современную литературоведческую и философскую терминологию, которой новогреческому языку не хватало. Знание европейских языков и культур являлось для К. Кавафиса «благоприятной предпосылкой естественной и синхронной ориентации» в мировом литературном процессе [Ильинская, 1994, с. 12].

3.2. Р. Бухараев тоже стремился к культурной «космополитичности», владея не только живым английским (по практической необходимости), но и венгерским, арабским, урду. И К. Кавафис, и Р. Бухараев занимались переводами, считая, что язык – это орудие национального мировосприятия. Оба они в свое время столкнулись с фундаментальной проблемой: на каком языке писать? Р. Бухараев писал по-русски, постоянно ощущая недостаток обращения к татарской речи и компенсируя его ремеслом переводчика. Первые литературные опыты, пробу пера К. Кавафис воплотил на языке Шекспира; затем он отказался от чужого наречия, отдав предпочтение родному.

4. Отношение к прошлому и национальному достоянию

4.1. Распространенный мотив в поэзии К. Кавафиса – тоска по ушедшему величию греческой цивилизации (Древняя Греция, Византийская империя). Крайне характерны строки из его стихотворения «В церкви»: *«И каждый раз, когда захожу я в греческую церковь / с благоуханьями ее, сияньем, песнопеньем, / с многоголосьем ли-*

тургий, священников явленьем <...> / и в этот час объят мой дух величьем нашей Византии, / культурой моего народа, великого когда-то» (пер. Ю. Морица) [Кавафис, с. 76]. Поэт ощущает нерасторжимую связь со стихией родного языка и культуры; даже на смертном одре лирический герой К. Кавафиса находит повод для утешения: смерть открывает мир, в котором можно увидеть «своих», чтобы пообщаться с ними на языке предков. Об этом, в частности, «Эпитафия»: *«Я, житель Самоса, лежу, прохожусь, / здесь, возле Ганга. В этом варварском краю / в нужде и горестях я жизнь провел свою. / И вот земля, надгробия подножие, / укрыла все. Дорогами торговыми / я по морям поплыл, я золото любил, / на берег Индии грозой заброшен был / и в рабство продан. Рабскими оковами / навеки скованный, под бременем трудов / от Самоса вдали влачил я цепь годов / и в свой последний час подумал об одном: / я смерти не боюсь, в Аид сойти готов, / своих сограждан там я повстречаю вновь / и буду говорить на языке родном»* (пер. Е. Смагиной) [Кавафис, с. 119]. К. Кавафис стремится понять смысл быстроходящего времени, закон поколенческих смен; все его рассуждения аргументируются опытом греческих мыслителей и государственных деятелей, живших задолго до него.

4.2. В аналогичном духе Р. Бухараев признает огромный вклад, внесенный татарским народом в строительство общечеловеческой Культуры. «У волжских татар, – писал он, – на протяжении их многовековой истории всегда присутствовало чувство собственной исторической миссии, основанной на идее духовного просветительства» [Золотые ступени: татарская поэтическая классика, с. 3]. Р. Бухараев сопереживал нации, утратившей собственную государственность, но сохранившей память о ней (Волжско-Камская Булгария, Казанское ханство). Он сетовал на зигзаги сложной исторической судьбы, которая растеряла колоссальное сокровище татар – бесценные памятники письменности, храмового зодчества, градостроительного искусства. «Где дворцы ханов и вельмож, – вопрошал писатель, – где соборные мечети и минареты, где, наконец, изразцовые общественные бани, канцелярии, прочие здания гражданского назначения, о которых так много пишут очевидцы и историки?» [Золотые ступени..., с. 209]. Он констатировал тот факт, что народ заплатил немалую цену, чтобы остаться собой и выражать радости и страдания на собственном языке. Он чувствовал индивидуальную причастность к ходу национальной истории; перефразируя строку из стихотворения «Мне кажется, рукою кто-то водит...», можно сказать так:

бухараевский герой находится с народом в тех же отношениях, что и «яблоко, привязанное к ветке» [Бухараев, 1977, с. 46]. (Судьба в трагическом значении слова пыталась разлучить человека с «почвой», оторвать его от «истоков», заменить ему глубину памяти сиюминутными «эрзацами» культуры, однако сила потаенного инстинкта, естественность «развития» оказалась настолько могучей и непреклонной, что герой вспомнил о вечном «древе» и возвратился к нему. В этой метафоре просматривается и намек на библейский сюжет, через его переосмысление: яблоко, взятое когда-то Евой по наущению Сатаны, вернулось в исходное место после длительных и скорбных блужданий человека).

5. Художественный момент

5.1. Поэзия К. Кавафиса – это путь эволюции от высокого романтического настроения через чувство кризиса и увлеченность символической эмблематикой к широкому и многостороннему пониманию реальности в соотношении с историческими моделями, подвергнутыми смысловому обобщению. К. Кавафиса привлекают по преимуществу зыбкие, переходные ситуации, требующие двойственного объяснения. Но слово К. Кавафиса отмечено внутренним единством; исследователи закономерно говорят о романной структуре его миниатюр: общий нарратив складывается из мелких, как бы рассыпанных частей подобно тому, как узор рукодельного одеяла образуется из множества разноцветных лоскутков. Каждый текст К. Кавафиса заряжен энергией сюжетного драматизма, интеллектуального начала; мысль тут превалирует над чувством, проявляясь в искусной выделке формы.

5.2. Творчество Р. Бухараева проходит под знаком перемен: от лирического элемента к полноценной художественно-философской прозе, от поисков себя к обретению Бога, если учесть, что Р. Бухараев был в числе тех, кто избрал в мусульманстве версию «ахмадийской» трактовки Священного вероучения (см. роман «Дорога Бог знает куда», переводы религиозных брошюр и книг с урду). По внешней форме бухараевские тексты вполне «стандартны»; экспериментов с фактурой своих произведений он не проводил, предпочитая кристальную завершенность классического стиха. Язык же его, как точно подметил А. Михайлов, – «излишне цветист, метафорически переусложнен, по-восточному прян». И далее, поясняя причину их «тяжеловесности»: «„Архитектурные“ излишества стиля <Р. Бухараева. – Р.Б., М.П.> шли от избытка, от желания сказать о многом и – сразу» [Бухараев, 1986, с. 3]. Ключевое словосочетание в приведенной цитате – «восточная пряность»; она

достигается сочной полнотой образного ряда и меткостью словесной формулировки; в таком синтезе просвечивает переизбыток жизни, бодрость духа, вопреки «объективным» условиям существования, и тонкая редкая наблюдательность; ср.: «Ах, этот дождь тоскливый / как он лил! / Как будто злую бездну океана / из зыбкого рассветного тумана / сквозь сито слишком мелкое цедил...» («Ах, этот дождь тоскливый...» [Бухараев, 1977, с. 19]) или «Шумят омытые деревья, / тревожа влажный блеск травы... / Дышу, дышу до одуренья / арбузной свежестью листьев!» («Ревность» [Там же, с. 85]). Пожалуй, яснее всего несоответствие чувств К. Кавафиса и Р. Бухараева обнаруживается в «шекспировской» теме. У К. Кавафиса в стихотворении «Король Клавдий» (пер. А. Величанского) [Кавафис, с. 126–129] дано описание «далекого края» в манере символически-романтической «сумрачности», усиленной позицией автора, согласно которой в споре Гамлета и Клавдия прав последний, ибо сумятицу в жизнь датского королевства внес безответственный Призрак. У Р. Бухараева в стихотворении «Возрождение» [Бухараев, 1977, с. 51–53] все почти наоборот: да, средневеково-ренессансная Англия несовершенна, мрачна, ужасна до карнавального смещения этических ориентиров, и все же из этой бездны жизненных страстей, благообразно прикрытых этикетом и суетой текущего дня, рождается, словно из сора, подлинный гений литературы – обладатель великого творческого начала.

Все эти параллели умножаемы. Они свидетельствуют о том, что проблема «Р. Бухараев и К. Кавафис» нуждается в более последовательном освещении; мы здесь ее лишь поставили². Напрашивающийся вопрос о том, зачем сравнивать, слишком теоретичен, чтобы можно было ответить на него в рамках одной статьи...

² Думается, что проблему, нами заявленную, продуктивно трактовать в контексте локальных пересечений культур Запада и Востока. В отношении Р. Бухараева это несомненно; в отношении К. Кавафиса – не столь однозначно в связи с тем убеждением, что Греция – не Восток, а Запад. Подобную мысль, имея в виду не только Грецию, но и Сербию, Хорватию, Боснию, Македонию, Болгарию – словом, все страны Балканского региона, развивал Д. С. Лихачев; даже Византия, с его точки зрения, «и географически, и культурно принадлежала Европе» [Лихачев, с. 268]. Тем не менее следует помнить, что К. Кавафис – это не Греция как южная часть Европы, а эллинизированный мир Востока, помнящий о своих европейских истоках, не отказывающийся от них в угоду «отвлеченных соображений», что накладывает бессознательную печать на стратегию литературного слова. Такой внешне разнородный материал, кстати, дает основание для разработки типологии «цивилизационных стыков».

Список литературы

- Бродский И. А. Сочинения: Стихотворения. Эссе. Екатеринбург: У-Фактория, 2003. 832 с.
- Бухараев Р. Р. Президент Минтимер Шаймиев и модель Татарстана. СПб.: Блиц, 2001. 319 с.
- Бухараев Р. Р. Сказ о Казани. СПб.: Славия, 2005. 295 с.
- Бухараев Р. Р. Яблоко, привязанное к ветке: стихи. Казань: Татарское книжное изд-во, 1977. 112 с.
- Бухараев Р. Р. Снежный журавль: стихотворения и поэмы. М.: Молодая гвардия, 1986. 78 с.
- Золотые ступени: татарская поэтическая классика / пер. с татар. Р. Бухараева. Казань: Магариф, 2007. 231 с.
- Ильинская С. Б. К. Кавафис – М. Кузмин, александрийцы // Знаки Балкан: сб. ст. в 2 частях. Ч. I. М.: Радикс, 1994. С. 339–356.
- Ильинская С. Б. Константинос Кавафис. На пути к реализму в поэзии XX века. М.: Наука, 1984. 320 с.
- Кавафис К. Лирика / пер. с новогреч.; сост., вступ. статья и примеч. С. Б. Ильинской. М.: Художественная литература, 1984. 159 с.
- Лихачев Д. С. Избранные работы: в 3 томах. Т. I. Л.: Художественная литература, 1987. 656 с.
- Ферганский альманах. О школе // Library.ferghana.ru: Библиотека Ферганы. 2000–2016. URL: <http://library.ferghana.ru/almanac/index.htm> (дата обращения: 30.01.2016).

References

- Brodskii, I. A. (2003). *Sochineniia: Stikhotvoreniia. Esse* [Works: Poems. Essays]. 832 p. Ekaterinburg, U-Faktoriia. (In Russian)

- Bukharaev, R. R. (1977). *Iabloko, priviazannoe k vetke: stikhi* [An Apple Tied Up to the Branch: Poetry]. 112 p. Kazan', Tatarskoe knizhnoe izd-vo. (In Russian)
- Bukharaev, R. R. (1986). *Snezhnyi zhuravl': stikhotvoreniia i poemy* [The Snow Crane: Verses and Poems]. 78 p. Moscow, Molodaia gvardiia. (in Russian)
- Bukharaev, R. R. (2001). *Prezident Mintimer Shaimiev i model' Tatarstana* [The Model of Tatarstan: Under President Mintimer Shaimiev]. 319 p. St. Petersburg, Blits. (In Russian)
- Bukharaev, R. R. (2005). *Skaz o Kazani* [The Tale of Kazan]. 295 p. St. Petersburg, Slaviia. (In Russian)
- Ferganskii al'manakh. *O shkole* [Fergana Almanac. On School]. Library.ferghana.ru: Biblioteka Fergany. 2000–2016. URL: <http://library.ferghana.ru/almanac/index.htm> (accessed: 30.01.2016). (In Russian)
- Il'inskaia, S. B. (1984). *Konstantinos Kavafis. Na puti k realizmu v poezii XX veka* [Constantine Cavafy. On the Way to Realism in the Poetry of the 20th Century]. 320 p. Moscow, Nauka. (In Russian)
- Il'inskaia, S. B. (1994). *K. Kavafis – M. Kuzmin, aleksandriitsy* [C.Cavafy – M. Kuzmin, the Alexandrians]. *Znaki Balkan: sb. st. v 2 chastiakh. Ch. I.* (pp. 339–356). Moscow, Radiks. (In Russian)
- Kavafis, K. (1984). *Lirika*. Per. s novogrech.; sost., vstup. stat'ia i primech. S. B. Il'inskoi [Lyrics.] Translated from Greek, compiled with introduction and notes by S. B. Il'inskaya. 159 p. Moscow, Khudozhestvennaia literatura. (In Russian)
- Likhachev, D. S. (1987). *Izbrannye raboty: v 3 tomakh* [Selected Works: In 3 Volumes]. T. I. 656 p. Leningrad, Khudozhestvennaia literatura. (In Russian)
- Zolotyie stupeni: tatarskaia poeticheskaia klassika. Per. s tatar. R. Bukharaeva [Golden Steps: Tatar Classical Poetry]. Translated from Tatar by R. Bukharaev. (2007). 231 p. Kazan', Magarif. (In Russian)

The article was submitted on 30.01.2016
Поступила в редакцию 30.01.2016

Бекметов Ринат Ферганович,
кандидат филологических наук,
доцент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
bekmetov@list.ru

Перебаева Мария Леонидовна,
студентка II курса отделения русской
и зарубежной филологии,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
pml1799@yandex.ru

Bekmetov Rinat Ferganovich,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Kazan Federal University,
18 Krevlyovsraya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
bekmetov@list.ru

Perebaeva Maria Leonidovna,
second-year-student of the Department
of Russian and Foreign Philology,
Kazan Federal University,
18 Krevlyovsraya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
pml1799@yandex.ru